

ИГОРЬ ПЕТРОВИЧ ЕРЕМИН

Когда характеризуют научный облик и научные интересы литературоведа, обычно дают обзор тем его работ: чаще всего — какими писателями и какими памятниками ученый занимался. Это можно сделать и в отношении

Игоря Петровича. Можно сказать, что он занимался и больше всего любил киевский период литературы, писал о летописи, о Кирилле Туровском, о Феодосии Печерском, Киево-Печерском патерике и, конечно, о «Слове о полку Игореве». Можно сказать, что он занимался XVI веком, писал об Иосифе Волоцком, что он занимался литературой барокко, старинной украинской литературой и литературой новой украинской. Все эти темы, безусловно, характерны для Игоря Петровича. И все-таки не в них главное.

Если многих литературоведов действительно можно отличить друг от друга только по писателям, которыми они занимаются, то у Игоря Петровича было свое, своеобразное и индивидуальное не в этом. Это своеобразие было, казалось бы, не сразу заметно, но оно останется надолго в истории нашей науки. Его позиция исследователя была скромной, но стойкой, надолго запоминающейся, оставляющей глубокий, нестирающийся след в науке.

История литературы стоит на грани науки и искусства. Муза истории Клио, провозвестница славы, есть и муза истории литературы. Это самая строгая из муз. Она редко кого удостоивает вниманием. Муза эта поцеловала Игоря Петровича.

Как художник Игорь Петрович создавал образ писателя, образ произведения, образ характеризуемого им стиля.

Создание этих образов — задача совершенно особая и чрезвычайно ответственная. Образы эти — путеводители по писателю, путеводители по произведению, они раскрывают читателю литературу как искусство, вводят читателя в сферу прекрасного. Для литературы древней задача создания этих образов особенно ответственна и трудна.

Если в новой литературе образ писателя, особенно поэта, раскрывается перед читателем как бы сам собой и историк литературы или критик должен только помочь читателю его правильно понять, углубить его понимание, ввести читателя в курс художественного восприятия, то в литературе древней без создания такого образа нельзя бывает иногда вообще ничего понять. Образ писателя не только помогает читать, он комментирует непонятное, он остается не только у читателя, но вручает ключ к изучению, к творчеству писателя, к его художественному свое-

образку и остается в науке. Слишком различны наши эпохи, слишком своеобразно средневековье и слишком отдалены от нас эстетические представления того времени, чтобы мы могли обойтись без внимательного и заботливого гида.

Мы называем иногда того или иного художника-живописца открывателем пейзажа — например, открывателем русского пейзажа, открывателем красоты северной природы или красоты лондонских туманов. Импрессионисты открыли нам красоту Парижа, красоту Бретани. Васнецов и Рябушкин открыли зримую красоту Древней Руси. Игорь Петрович открыл для нас многие произведения и многих писателей Древней Руси. Он открыл для нас, например, поэзию Симеона Полоцкого, хотя поэзией этой занимались и до него. Он открыл для нас совершенно нового писателя Иосифа Волоцкого, которого ни один литературовед до того не рискнул бы назвать писателем-художником.

Создавая образ писателя, образ произведения, даже «образ» литературного стиля, историк литературы находится в гораздо более сложном положении, чем писатель или художник. Последние могут вносить поправки в действительность, могут соединять разнородные черты действительности. Историк литературы — ученый. Создаваемый историком литературы образ должен точно соотноситься с реальностью, в создаваемом им образе не должно быть ни искажений, ни поправок, ни упущений. Историк литературы должен основываться только на том материале, который дает сама литература, ничего не комбинировать и ничего не исключать. Творческая свобода литературоведа-художника стеснена до предела.

Какими же средствами достигается, однако, отчетливость образа? Прежде всего все зависит от угла зрения, от точки, с которой исследователь смотрит на изучаемый предмет. Одна из самых сложных задач, стоящих перед исследователем, — выбрать эту точку зрения так, чтобы она позволила обнаружить самое существенное и, раскрыв художественное значение этого существенного, показать шаг за шагом и все остальное.

Вот перед нами превосходное исследование Игоря Петровича о Симеоне Полоцком. На что прежде всего обращает он внимание в Симеоне Полоцком? Он начинает свою статью о стиле Симеона Полоцкого с характеристики поэтического содержания его поэзии. К этому поэтиче-

Игорь Петрович Еремин

скому содержанию он подбирает особый ключ и в этом ключе ведет всю свою характеристику. Он рассматривает поэтическое содержание поэзии Симеона Полоцкого как некий музей, стихотворную кунсткамеру и ведет нас по экспозиции как внимательный гид, стремясь поразить нас всеми содержащимися в ней диковинками. Как экскурсовод, озабоченный порядком в своем музее, он жалуется на отсутствие печатного путеводителя, на недостаток витрин, характеризует особенности экспозиции.

Его сравнение стихотворного содержания Симеона Полоцкого с кунсткамерой все время углубляется и развивается. Сравнение это позволяет ему обратить внимание на зрелищную сторону «книжиц» Симеона Полоцкого, на их живописную наглядность, на связь их с архитектурными мотивами своего времени и т. д.

Типичный для искусства барокко синтез всех искусств в поэзии Симеона Полоцкого раскрыт им с помощью этого приема с необыкновенной полнотой и убедительностью. Все особенности творчества Симеона Полоцкого показаны и увязаны им между собой с помощью этого приема, угла зрения экскурсовода по поэтическому музею. Сравнение с музеем пронизывает всю статью о Симеоне Полоцком — с первых ее строк и до последних. Как художественное произведение, статья вся построена на одной этой бесконечно углубляемой и развиваемой метафоре. И. П. Еремин характеризует этим способом не только поэзию Симеона Полоцкого, но и ее создателя. Симеон Полоцкий выступает перед нами как рачительный хозяин своего музея, коллекционер и собиратель, озабоченный стремлением поразить воображение своего гостя раритетами, как собиратель, следующий собирательской моде, подверженный коллекционерской жадности, но и вместе с тем оставивший своим поэтическим наследникам огромные музейные богатства.

Развивая это самим И. П. Ереминым придуманное и блестяще поданное сравнение, мы могли бы отблеск его бросить и на него самого. И. П. Еремин сам до известной степени был собирателем ценностей искусства, древнерусского по преимуществу. Он был портретистом, озабоченным разнообразием создаваемой им галереи. Его галерея включала и портреты и вещи, которые он бережно, с филологической тщательностью публиковал. Вот почему мастерски набросанные им портреты часто заканчивались публикациями неизданных произведений, да и в самих писателях он выделял прежде всего черты владельцев определенных литературных богатств. Характерен в этом отношении другой портрет, созданный Игорем Петровичем, — портрет Иосифа Волоцкого как писателя. Он начинается не менее эффектно, чем портрет Симеона Полоцкого, — с попытки обозреть состав всего его литературного хозяйства. Первая же фраза этой мастерской характеристики вводит нас в литературные владения игумена-«стяжателя» Иосифа: «Иосиф Волоцкий писал много и охотно». Далее Игорь Петрович характеризует все написанное им прежде всего с точки зрения этого «много»: все разнообразие представленных в его хозяйстве жанров, разновидностей содержания и формы.

Как истинный собиратель, Игорь Петрович ценил прежде всего подлинность показываемых им вещей. Он стре-

мился выставлять не только портреты, хотя бы и мастерски сделанные, а заставляя играть и блистать в свете его изысканий самые произведения. Игорь Петрович был мастер художественной цитации. Подобно тому как на своих лекциях он с неподражаемым искусством умел прочесть памятник, так и в своих исследованиях он умел процитировать памятник так, что он как бы сам себя показывал, повертываясь перед зрителем разными сторонами своего художественного существа.

Как художник, воссоздатель прошлого, И. П. Еремин принадлежит прежде всего замечательной школе наших историков-художников. В нем многое идет от В. О. Ключевского, от его умения строить образ и фразу, от его остроумия, от его манеры в несколько грустной и чуть скептической манере подавать людей прошлого.

Нечто общее было и между манерой читать свои лекции у И. П. Еремина и В. О. Ключевского. В. О. Ключевский, как известно, читал свои лекции, слегка заикаясь, как бы преодолевая некоторое небольшое затруднение. По отзывам слушавших его, он читал спокойно, как бы издалека, чрез некоторую дымку исторического спокойствия представляя события. Он не читал как профессор, а рассказывал как сказитель. И. П. Еремин, цитируя, некоторым однообразием тона подчеркивал расстояние, отделяющее нас от воспроизводимого произведения. Он как бы давал слово самому писателю, чуть заметным оканием подчеркивая, что читает не он, что он лишь воспроизводит написанное, сознавая всю художественную условность своего чтения.

Удивительны чувство меры и необыкновенный такт И. П. Еремина, когда он отказывался от сравнения, которое вот-вот готово было уже, казалось, сорваться с его уст, — сравнения, которого ждал читатель, но которое было бы, пожалуй, слишком банально произнести вслух, после того как сам читатель его уже понял и вполне оценил. Позволю себе процитировать одно место из статьи Игоря Петровича «Иосиф Волоцкий как писатель»: «В „речах“ своих противников Иосиф с большой зоркостью умел отыскивать и подмечать самые уязвимые места. Неосторожно сорвавшееся слово, неудачное выражение, обмолвка — всем этим он тотчас же спешил воспользоваться. Поймав такую обмолвку, он уже не скоро выпускал ее из рук. Он ее неоднократно цитировал, и полностью и по частям, он комментировал ее в разном кон-

тексте, он сравнивал ее с высказываниями „отцов церкви“ и „правилами“ вселенских соборов, глумился, подчеркивал отдельные слова, изумлялся ее „дерзости“. Обычно эта жестокая игра продолжалась до тех пор, пока из пойманной обмолвки ему не удавалось выжать весь ее крамольный смысл.¹ Почему же нет здесь напрашивающегося сравнения с жестокой игрой кошки с пойманной ею мышью? Я думаю потому, что сравнение произведено в самом изложении этой игры. Названное, это сравнение потеряло бы свою остроту, оно бы даже смягчилось и перестало бы быть убедительным. И. П. Еремин только подводит читателя к этому сравнению и с чувством тонкого такта оставляет читателя наедине с его, читателя, открытием.

Читатель обратит внимание на то, что мнения Игоря Петровича не всегда застывали в его работах в однообразных формулировках. Он не стоял на карауле у своих взглядов, не отстаивал их тогда, когда менял их по серьезным основаниям. Он был живым, думающим исследователем. Поэтому, например, его статья «Киевская летопись как памятник литературы», написанная им в 1949 г., во многом расходится с очерком 1947 г. — «Повесть временных лет как памятник литературы». В статье 1949 г. нет уже стремления объяснять все особенности литературного своеобразия летописи особым, дологическим мышлением летописца, его «доэвклидовскими» представлениями о мире. И в свою очередь вопрос о «реализме» древнерусской литературы, поднятый Игорем Петровичем в статье о Киевской летописи, подвергся пересмотру в его же статье 1959 г. — «К спорам о реализме древнерусской литературы». Он был честен перед самим собой и перед читателем, с которым он делился своими мыслями, не скрывая их изменений.

Мне бы не хотелось оскорбить память Игоря Петровича неправдой (хотя бы и из самых почтительных побуждений). Я не могу сказать, что и я во всем солидарен с Игорем Петровичем в сделанных им характеристиках. Я не могу, например, согласиться с его характеристикой «Повести временных лет» как продукта особого мышления ее составителя. Но и не соглашаясь, я не могу не воздать должного мастерству, с которым эти характери-

¹ Послания Иосифа Волоцкого / Подгот. текста А. А. Зиминой и Я. С. Лурье. М.; Л., 1959, с. 13.

стики выполнены, тому обаянию, которое они имеют для читателя.

У Игоря Петровича было чувство глубокого уважения к слову. Он не злоупотреблял многописанием. Он писал коротко и только о том, что ему казалось самым главным. Он не был навязчив в своих писаниях. Он умел не только тактично говорить и писать, но и тактично молчать, не навязываясь читателю по всякому поводу и без особой нужды. Он писал только тогда, когда ему было что и о чем сказать читателю, и не злоупотреблял его временем и вниманием.

Он умел делать паузы в своей работе. И нынешнее его молчание воспринимается мною только как художественная пауза. Он молчит, потому что сказанное им перед этим в течение всей его научной жизни было значительно и весомо.

Скромный и сдержанный во всем, он смотрел на большой мир литературы глазами несколько удивленными и восхищенными, грустными и доверчивыми к раскрывающейся перед ними художественной правде.

(Еремин И. П. Литература Древней Руси. (Этюды и характеристики). М.; Л., 1966, с. 3—8)